

Л. А. Сулержицкий

Жизнь должна быть прекрасна.

Люди должны быть счастливы.

И для осуществления этих двух целей не следует пренебрегать никаким, даже самым мелким и пустым, поступком.

Если можно дать людям веселье забавным рассказом или смешным анекдотом, -- то да здравствует веселый рассказ и смешной анекдот!

Если можно украсить жизнь людей картиной, представлением, песней, -- и для этого нужен труд, -- то надо дать его с охотой и весельем.

Если для счастья людей понадобится страдание, -- то надо идти на него бодро, уверенно и радостно.

Вот в коротких словах "profession de foi" {символ веры (*фр.*).} недавно ушедшего из этой жизни моего товарища по Школе живописи и ваяния -- Л. А. Сулержицкого¹.

Не знаю, как сам он определил бы свое внутреннее мирозерцание. Может быть, и иначе, чем я это делаю. Может быть, только бессознательно жила в нем та страстная любовь к жизни и ко всему прекрасному в ней, которая заставляла его весело работать и радостно страдать.

Но всякий, знавший Сулержицкого, не только чувствовал это его свойство, но и заражался им.

Помню я Сулержицкого почти мальчиком.

В Школе живописи и ваяния, которую я посещала в продолжение нескольких зим, Сулержицкий среди товарищей составлял маленький центр.

Люди со слабой инициативой, с вялым характером, с шаткими убеждениями липнут к людям, богаче их одаренным.

Так это было и у нас в Школе.

Сулержицкий, или Сулер, как мы сокращенно звали его, всегда горел какой-нибудь новой затеей или новым открытием и увлекал за собой своих товарищей.

Если где-нибудь в Школе собиралась кучка учеников, о чем-нибудь горячо беседующих, можно было без ошибки сказать, что это ученики собрались вокруг Сулера. Когда раздавались взрывы хохота, это товарищи смеялись какому-нибудь рассказу, анекдоту или представлению Сулера. Если где-нибудь стройно пели ученики -- это под его руководством составилась хор.

Сулер был очень талантлив во всех областях искусства².

Но главный интерес, связывающий всех нас в Школе, была живопись.

К рождеству мы устраивали свою выставку и до этого горячо готовились к ней. Когда мы собирались, то толковали более всего о разных течениях и направлениях в искусстве, показывали друг другу свои работы и советовались друг с другом.

Помню, как раз перед рождеством мы собрались в Школе и обсуждали дела своей выставки. Кое-кто из нас принес свои холсты.

Сулер нам до этого своей картины не показывал и не рассказывал ее содержания, хотя давно уже готовил ее. Он искал в ней новых путей и не хотел, чтобы посторонние отзывы путали его.

Поэтому мы все ждали появления этой картины с большим интересом.

Сулер исчез и через некоторое время с взволнованным лицом принес свою картину, поставил ее на пол у стены и просил нас отойти подальше, чтобы издали смотреть на нее.

Я теперь не помню подробности картины. Помню впечатление: большая пустая комната, тусклое серое освещение и одинокая фигура³.

Картина давала настроение грусти, тоски и одиночества.

Ученики притихли и долго молча смотрели. Потом начали раздаваться отдельные возгласы:

-- Молодчина, Сулер!

-- Настроения-то сколько!

-- Здорово, Сулер!

Сулер сиял. Он стал рассказывать нам, какие мысли и чувства он хотел вложить в картину.

Товарищи уверяли его, что ему это вполне удалось и что все это зритель чувствует, глядя на нее.

Из сотен учеников Школы живописи и ваяния я особенно сошлась с несколькими юношами и